

На правах рукописи

Смирнов Сергей Викторович

**РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ
(1920 – КОНЕЦ 1940-х гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2019

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Официальные оппоненты:

Аурилене Елена Евлампиевна, доктор исторических наук, профессор, ФГКОУ ВО «Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации», профессор кафедры истории Отечества, органов безопасности и зарубежных пограничных органов

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ФГБУН Институт славяноведения РАН (г. Москва), ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн

Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток

Защита состоится 19 февраля 2019 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=280319>

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

А. В. Шаманаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется следующим. Во-первых, военная эмиграция составляла значительную часть эмигрантского сообщества и играла большую роль во всех сферах его жизни – политической, экономической, культурной, что было особенно характерным для территории Китая. Поэтому исследование военной эмиграции открывает возможность изучения жизни всего эмигрантского сообщества. Изучение военной эмиграции как части русского эмигрантского сообщества в Китае, вписанного в разнообразные исторические контексты, позволяет дополнительно осветить целый ряд более широких проблем, связанных с историей международных отношений на Дальнем Востоке, внутривосточным развитием Китая, советско-китайскими и советско-японскими отношениями, а также отдельными моментами истории Советской России, в частности, проблемой политических репрессий 1930-х гг. Во-вторых, актуальность обусловлена важностью изучения современных миграционных процессов и особенностей адаптации русских диаспор и их отдельных представителей к новой социально-культурной среде в условиях современного мира. В-третьих, обращение к военной эмиграции в Китае как части Русской Армии в изгнании определяется необходимостью дальнейшего раскрытия и описания этого феномена русской эмиграции 1920-х – первой половины 1940-х гг. В-четвертых, немаловажным является отсутствие в современной историографии крупных работ, посвященных русской военной эмиграции в Китае, как специфическому сообществу со своими организационными, социальными, психологическими и другими характеристиками.

Объект исследования – русское эмигрантское сообщество в Китае в 1920 – конце 1940-х гг.

Предмет исследования – русская военная эмиграция в Китае в указанный период.

Понятие «военная эмиграция» в нашем исследовании имеет достаточно широкий характер и включает в себя совокупность бывших военнослужащих Российской Императорской и Белой армий, прежде всего ее профессиональную часть – офицерство; организации и объединения бывших военных; воинские и военизированные подразделения из эмигрантов, состоявшие на службе на

территории Китая; русскую военную молодежь, т.е. молодое поколение эмигрантов, получивших военное образование и опыт военной службы за рубежом.

Территориальные рамки исследования включают в себя те регионы Китая, где существовали наиболее крупные колонии русских эмигрантов, в том числе эмигрантов-военных: Маньчжурия, и особенно Харбин, Северный Китай, Шанхай и провинция Синьцзян.

Хронологические рамки определены 1920-м – концом 1940-х гг. Выделение 1920 г. в качестве нижней границы исследования обусловлено утратой русским населением на территории Китая характерного для всех иностранцев права экстерриториальности, а также лишением бывших российских граждан, отказавшихся возвратиться на территорию советского государства, гражданских прав, что превратило их в эмигрантов. Вместе с тем, изучая процесс складывания военной эмиграции в Китае, мы обращаемся к более раннему периоду и отталкиваемся от событий революции 1917 г. Верхняя граница, конец 1940-х гг., определена практически полным исчезновением на территории Китая русской военной эмиграции, что стало результатом добровольной и насильственной репатриации и реэмиграции бывших военных.

Цель – изучение русской военной эмиграции в Китае как социального феномена в его структурно-функциональном и личностном аспектах и динамике развития от становления до исчезновения.

Задачи исследования:

1) выявить особенности формирования главных центров русской военной эмиграции в Китае, представить и охарактеризовать этапы существования русского военного сообщества;

2) проанализировать процесс социальной адаптации бывших военных в Китае и его региональную специфику на фоне постоянно изменявшихся в изучаемый период условий жизни в стране;

3) изучить роль бывших военных в политической, экономической, культурной жизни русской эмиграции в Китае;

4) выявить и проанализировать деятельность военных объединений, направленную на поддержание корпоративной идентичности, организацию взаимопомощи и взаимной поддержки;

5) показать характер и масштабы участия военной эмиграции в антибольшевистском движении, попытки объединения на анти-советской основе русских военных организаций Китая и их результаты;

6) рассмотреть характер участия и роль русской военной эмиграции в армиях и военизированных формированиях на территории Китая;

7) раскрыть характер отношений и степень влияния военной эмиграции на русскую эмигрантскую молодежь, проблему сохранения традиций и духа Российской армии и преемственности поколений;

8) представить взаимоотношения и взаимодействие русской военной эмиграции и японских военных, административных и разведывательных структур в Китае;

9) исследовать причины и показать содержание процесса распада и исчезновения русской военной эмиграции в Китае.

Степень разработанности темы. Историография русской военной эмиграции, главным образом в рамках отечественной исторической науки, на сегодняшний день достаточно обширна и уже сама является предметом для изучения (К.М. Александров, А.В. Серегин, и др.).

В историографии советского периода тема военной эмиграции, хотя и не рассматривалась, как самостоятельная, но неизменно присутствовала на страницах работ советских исследователей. Первые работы, посвященные российской эмиграции, появившиеся в 1920-е гг., не имели непосредственно научного характера, выступая отражением ожесточенной политической борьбы между Россией советской и Россией зарубежной, эмигрантской. Именно в эти годы в оценках эмиграции оформились основные идеологические клише, сохранявшиеся в той или иной степени на протяжении всего советского периода. Эмиграция, либо ее наиболее реакционная часть, обязательно включавшая военных, рассматривалась как непримиримый враг советского государства, носитель идей реставрации старого, «эксплуататорского» режима, приспешник империализма. Все внимание советских историков, обращавшихся к изучению эмиграции, было сосредоточено на деятельности эмигрантских контрреволюционных организаций, вынашивавших планы свержения советской власти, и борьбе с ними советского государ-

ства (В. Белов, А. Киржниц, Л.М. Мещеряков, Е. Полевой, и др.). В 1930-е гг. белая эмиграция, попав в разряд запрещенных тем, практически исчезла из исследовательского поля, упоминаясь разве что в контексте событий вооруженного конфликта 1929 г. вокруг КВЖД и захвата Маньчжурии в 1931 г. японской Квантунской армией в качестве пособника белокитайских и японских милитаристов (В.Я. Аварин, И. Алексеев, С. Тульский, и др.).

Возвращение внимания к истории российской эмиграции началось с конца 1950-х гг. В 1970–1980-е гг. появился целый ряд исследований, посвященных безуспешным попыткам радикальной эмиграции ликвидировать советскую власть в СССР, опиравшихся на архивные документы и свидетельства вернувшихся на родину бывших эмигрантов (Г.Ф. Барихновский, В.В. Комин, Ю.В. Мухачев, и др.). Среди исследований этого периода особенно стоит отметить работу Л.К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции», лучшее из советских исследований деятельности антибольшевистского эмигрантского актива. Значительное место в работе было уделено военным организациям, прежде всего Русскому Обще-Воинскому Союзу. Сосредоточив свое основное внимание на западной ветви эмиграции, автор тем не менее отметил особую активность дальневосточной белоэмиграции, участвовавшей на стороне китайских милитаристов в разжигании конфликта на КВЖД в 1929 г., приветствовавшей оккупацию Маньчжурии японцами в 1931 г. и совместно с ними разрабатывавшей планы свержения советской власти в СССР. Однако Вторая мировая войны привела к расколу военной эмиграции и поддержке частью её воюющего советского народа.

Нужно подчеркнуть, что в советский период дальневосточная ветвь русской эмиграции практически не являлась предметом самостоятельного научного изучения. Только в 1987 г. во Владивостоке под грифом «для служебного пользования» было издано учебное пособие «Крах белоэмиграции в Китае» за авторством В.В. Сонины, дававшее краткий обзор истории русского дальневосточного эмигрантского сообщества.

На рубеже 1980–1990-х гг. в связи с политическими изменениями в России в отечественной исторической науке возник острый интерес к истории эмиграции «первой волны». В 1990-е гг. появилось большое количество исследований, лишенных прежних идеологических штампов и ориентированных на объективное и всесто-

роннее изучение эмиграции. Исследование военной эмиграции в это время приобрело самостоятельный характер, а открытие государственных архивных фондов поставило его на серьезную документальную основу. Вместе с тем, немало отечественных исследований военной эмиграции 1990–2000-х гг. отличались чрезмерной широтой географического и тематического охвата, страдая при этом недостаточной глубиной проработки тематики и узостью источниковой базы. Кроме того, основное место в исследованиях деятельности военной эмиграции было отдано ее западной ветви. К достоинствам работ этого периода, принадлежавших перу таких исследователей, как А.М. Бегидов, С.В. Волков, В.Ф. Ершов, Е.И. Пивовар и др., можно отнести предложенную авторами классификацию военных организаций российской эмиграции, описание процесса складывания, анализ организационной, военно-политической, образовательной, боевой деятельности военной эмиграции.

В 2000–2010-е гг. исследования российской военной эмиграции приобрели более узкую региональную и тематическую специализацию. Основные проблемы, к которым обращаются современные исследователи военной эмиграции, в основном остаются традиционными – это становление и организационные структуры военной эмиграции; деятельность военных, а также казачьих организаций по сохранению боевого и интеллектуального потенциала военной эмиграции и обеспечению преемственности ее традиций для молодого поколения эмигрантов; антисоветский эмигрантский активизм, в немалой степени представленный бывшими военными; отношение ко Второй мировой войне и участие в ней бывших русских военных (В.И. Голдин, Н.А. Кузнецов, А.В. Окорок, О.В. Ратушняк, Ю.С. Цурганов, и др.).

Изучение российской эмиграции на Дальнем Востоке только в 1990-е гг. приобрело самостоятельный и даже в чем-то самостоятельный характер. Всю совокупность научных работ, посвященных дальневосточной эмиграции, можно разбить на две части: 1) работы общего характера, рассматривающие в совокупности многочисленные аспекты жизни эмиграции либо в географических рамках всего Дальнего Востока, Китая или отдельного региона Поднебесной, либо в рамках определенного хронологического периода существования эмиграции (Н.Н. Аблажей, Н.Е. Аблова, Е.Е. Аури-

лине, М.В. Кротова, Г.В. Мелихов, В.Ф. Печерица, А.А. Хисамутдинов, В.Г. Шаронова, и др.); 2) работы, фокусирующиеся на определенной проблеме. К наиболее исследуемым проблемам относятся: общественно-политическая жизнь эмиграции и деятельность отдельных эмигрантских общественных, политических и административных организаций (Н.Н. Аблажей, Е.Е. Аурилене, С.И. Лазарева, Г.И. Мальшенко, и др.); политико-правовое положение эмигрантов (Е.Е. Аурилене, М.В. Кротова, Е.Н. Наземцева, и др.); жизнедеятельность отдельных этнических, социальных и религиозных групп российской эмиграции (Ю.В. Аргудяева, О.И. Сергеев, В.В. Романова, И.В. Чапыгин, и др.); социальная адаптация (З.С. Бочарова, Т.В. Ревякина, Я.Л. Писаревская, и др.); образование и наука (Л.Ф. Говердовская, Г.И. Каневская, Г.С. Стародубцева, А.А. Хисамутдинов, и др.); культурная и религиозная деятельность (С.С. Лешошко, Н.П. Крадин, Д. Поздняев, и др.); репатриация и реэмиграция (Н.Н. Аблажей, Т.В. Таболина, Н.П. Черникова, и др.). Несмотря на наличие большого количества разнообразных публикаций по истории русской эмиграции на Дальнем Востоке, исследований, напрямую посвященных военной эмиграции, сложившейся в этом регионе, до сих пор существует сравнительно немного.

Значительная часть публикаций, относящихся к истории военной эмиграции в Китае, ориентирована на описание участия русских военных в вооруженных формированиях и армиях на территории Поднебесной. Здесь прежде всего необходимо отметить работу С.С. Балмасова «Белоэмигранты на военной службе в Китае». Основное внимание в монографии уделено службе русских эмигрантов в воинских частях китайских генералов в 1920-е гг., главным образом Русской группе войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана. Автор достаточно подробно описывает весь боевой путь Русской группы от ее зарождения до ликвидации (1924–1928 гг.), структуру, обеспечение, функционирование воинских подразделений, быт и нравы русских наемников, деятельность наиболее заметных руководителей и военачальников. Также Балмасов повествует об участии русских эмигрантов в различного рода воинских и военизированных формированиях на территории Китая в 1930-е – первой половине 1940-х гг.: русском отряде (полку) в составе Шанхайского волонтерского корпуса, русских подразделениях в китайской армии военного губернатора Синьцзяна,

русских воинских и охранных отрядах в Маньчжоу-го. Другими исследователями, обращавшимися к проблеме военной службы русских эмигрантов в Китае и внесшими существенный вклад в ее разработку, являются А.М. Буяков, Г.В. Мелихов, А.В. Окороков, Е.А. Рубанов, С.В. Смирнов, Е.В. Яковкин.

К наиболее проработанным в отечественной историографии сюжетам из истории русской военной эмиграции в Китае также нужно отнести деятельность русских военных в Синьцзяне в 1920–1930-е гг., представленную в исследованиях Е.Н. Наземцевой (Комиссаровой), Н.Н. Аблажей, В.В. Марковчина, В.Г. Обухова, В.А. Бармина. Авторы показали процесс эвакуации и распыление остатков белых подразделений генералов Б.В. Анненкова, А.С. Бакича и А.И. Дутова в Северо-Западном Китае, формы организации и особенности жизни бывших военных, их участие на стороне китайской администрации в подавлении мусульманского повстанческого движения в регионе в 1930-е гг. Особенно стоит выделить работу Наземцевой «Русская эмиграция в Синьцзяне», вобравшую в себя практически все достижения современной историографии в этой области, и построенную на базе большинства доступных источников по данной теме.

Большое внимание еще с 1990-х гг. отечественные исследователи уделяют казачьей эмиграции в Китае, которая являлась составной частью русской военной эмиграции. В работах таких историков, как А.В. Ганин, Г.И. Мальшенко, О.И. Сергеев, К.В. Фомин, А.Л. Худобородов, И.В. Чапыгин, В.А. Шудьяков и др., достаточно подробно обрисован процесс формирования казачьей эмиграции в Китае, особенности приспособления казаков к новым условиям проживания, организационная структура казачества, общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность крупных казачьих объединений в Маньчжурии и Шанхае и роль в этом наиболее выдающихся представителей казачьего сообщества, участие казаков в антисоветской борьбе, особенно в период господства в Северо-Восточном Китае японцев.

Еще одним объектом устойчивого интереса исследователей российской эмиграции в Китае является деятельность крупных эмигрантских, в том числе военных организаций, и особенно их участие в антисоветской борьбе. Среди работ, посвященных региональным сообществам русских эмигрантов в Китае, стоит выделить

монографию В.Г. Шароновой «История русской эмиграции в Восточном Китае», где значительное место отведено описанию становления, организации и деятельности ряда крупных русских военных объединений Шанхая. Работы М.В. Кротовой, посвященные отдельным сюжетам военно-политической борьбы эмиграции против СССР в конце 1920-х гг., вводят в оборот малоизученные документы из Архива внешней политики Российской Федерации и Бахметьевского архива. П.Н. Базанов впервые в отечественной историографии дал подробный анализ организационной структуры, идеологии, деятельности одной из наиболее активных боевых организаций эмиграции – Братства Русской Правды, в составе которого было немало военных. Еще одним автором, посвятившим свое внимание работе БРП на Дальнем Востоке и противостоянию ему со стороны советской разведки, является Н.А. Егоров, опирающийся в своих изысканиях на материалы из фондов ФСБ. Некоторую информацию о деятельности дальневосточных подразделений РОВС дают статьи М.Л. Дубаева и А.С. Терзова. Кроме того, отдельные факты о работе некоторых военных и политических организаций Харбина и Шанхая можно почерпнуть из публикаций Н.Е. Абловой, Е.Е. Аурилене, Л.В. Кураса, В.В. Сониной, А.А. Хисамутдинова, Ю.Н. Ципкина.

Борьба эмигрантских организаций против советской власти и сотрудничество эмигрантов с иностранными разведками нашли определенное отражение в многочисленных публикациях, посвященных более широкой проблематике – истории советских и иностранных спецслужб в 1920–1940-е гг. Особенно ценными являются работы, освещающие работу советской разведки по ликвидации белого подполья на Дальнем Востоке (М. Алексеев, А.М. Буюков, С.А. Куртинец, О.В. Шинин, И.И. Ландер, В.Н. Усов, и др.). Важные детали деятельности японской разведки в Маньчжурии раскрыты в статьях А.В. Полутова, опиравшегося на рассекреченные японские документы, использование которых до сих пор является большой редкостью среди отечественных историков.

Важную роль для изучения военной эмиграции в ее личностной составляющей играют публикации, посвященные судьбам отдельных военных (А.Н. Абеянцева, Б.В. Базаров, Е.В. Волков, В.Ж. Цветков, М.В. Кротова, А.В. Толочко, и др.). Среди заметных фигур военной эмиграции в Китае абсолютным лидером по числу

публикаций является атаман Г.М. Семенов (А. Кайгородов, Л.В. Курас, В.В. Марковчин, А.А. Смирнов). К сожалению, нередко при обращении к биографиям наиболее заметных фигур военной эмиграции в Китае (генералы М.К. Дитерихс, М.В. Ханжин, Е.Г. Сычев, П.П. Оглоблин и др.) авторы сосредотачивают основное внимание на доэмигрантском периоде их жизни, что во многом обусловлено недостаточностью источниковой базы.

При изучении таких вопросов, как становление военной эмиграции в Китае и процесс репатриации бывших военных, количественный и качественный состав военной эмиграции, формирование первых объединений военных, важную роль играют исследования, посвященные Гражданской войне на востоке России и исходу остатков белых армий в Китай (Е.В. Волков, А.В. Ганин, В.Н. Фомин, К.В. Фомин, Ю.Н. Ципкин, В.А. Шулдяков, и др.). Вопрос исчезновения военной эмиграции в Китае нашел определенное отражение в публикациях Н.Н. Аблажей, Т.В. Таболиной, Л.П. Черниковой, посвященных проблемам депортации, репатриации и реэмиграции русских эмигрантов после окончания Второй мировой войны.

Зарубежная историография русской эмиграции в Китае не столь обширна, как отечественная, и значительную ее часть составляют работы эмигрантских историков, представителей как старшего, так и младшего поколений т.н. первой волны эмиграции, а также их потомков (П. Балакшин, Н. Райан, И.И. Серебренников, О. Vakich, М. Moustafine, F. Patrikeeff, и др.). К различным проблемам истории русской эмиграции в Китае обращались отдельные исследователи из Европы, США, Китая, Японии (Ван Чжичэн, М. Икута, Т. Накаси́ма, У Нань Линь, Чжао Юнхуа, J.J. Stephan, S. Urbansky, и др.).

Однако история русской военной эмиграции в Китае в качестве самостоятельной темы в зарубежной историографии не рассматривалась. Единственным исключением можно считать изданную в 1936 г. в Харбине книгу И.И. Серебренникова «Великий отход» и работу бывшего офицера Белой армии П.П. Балакшина «Финал в Китае». Среди наиболее крупных западных исследований, посвященных русской военной эмиграции, стоит выделить работу П. Робинсона «Белая русская армия в изгнании». Автор рассматривает военную эмиграцию как неотъемлемую и крайне зна-

чимую часть Русского Зарубежья, имевшую огромное влияние на внутреннее состояние эмиграции в целом. Среди военных организаций основное внимание Робинсона уделено Обще-Воинскому Союзу, который он по праву считает крупнейшим и наиболее дееспособным объединением военной эмиграции. В то же время в работе Робинсона полностью отсутствуют сюжеты, связанные с деятельностью русской военной эмиграции в Китае.

Значительный интерес к русским военным в Китае проявил крупный американский эмигрантовед Дж. Стефан. В своих работах автор обращается к деятельности отряда Асано, разведывательно-диверсионного подразделения из эмигрантов, описывая процесс его создания, проблему комплектования, обучения, а также участие в боевых столкновениях во время советско-японского конфликта на Халхин-Голе.

Отдельные сюжеты, касающиеся русской военной эмиграции в Китае, нашли отражение в китайских исторических исследованиях. Так, в фундаментальной работе Ван Чжичэна «История русской эмиграции в Шанхае» дается перечень и краткое описание большинства военно-эмигрантских организаций Шанхая, и фрагментарно рассказывается о деятельности их отдельных руководителей. Одна из глав коллективной монографии «Ряска в непогоду: Русские эмигранты в Китае», вышедшей под редакцией Ли Синьгэна, в общих чертах описывает участие русских военных в боевых действиях в Китае в 1920-е гг. в составе армий «старого маршала» Чжан Цзолия и его соратников.

В целом, принимая во внимание большой вклад отечественных и зарубежных исследователей в изучение русской военной эмиграции, необходимо отметить, что русская военная эмиграция в Китае в качестве самостоятельного и целостного предмета исследования никогда не рассматривалась. Военная эмиграция, как нередко и эмиграция вообще, в работах исследователей за редким исключением предстает в виде конгломерата отдельных организаций, социальных и политических групп, наиболее выдающихся личностей, деятельность которых детерминирована их политическими характеристиками, средой проживания и международным контекстом. Не достаточно разработанными остаются такие проблемы, как роль личностного фактора в деятельности военной эмиграции, сохранение и поддержание корпоративной идентичности

внутри военного эмигрантского сообщества, взаимодействие между военными и молодежными организациями, социальная адаптация военных, особенно в ее личностном измерении. Кроме того, подавляющее большинство отечественных исследователей истории русской военной эмиграции в Китае в своей работе опираются исключительно на документы из российских архивов и библиотек.

Методология и методы исследования. В основу методологии нашей работы был положен историко-антропологический подход, имеющий междисциплинарную природу. Историко-антропологический подход характеризуется повышенным интересом к человеку в истории, мотивам его поведения, действий, поступков, представлениям, ментальным нормам и ценностям, повседневному бытию, всем формам жизнедеятельности. Особенности используемого исследовательского ракурса и инструментария, характеризующиеся т. н. «антропоцентризмом», сделали для нас наиболее значимыми следующие научные направления: новую социальную историю, персональную историю, военно-историческую антропологию, историю повседневности. Данные направления стремятся изучать историю посредством человека и через человека. В связи с чем огромное значение приобретают такие категории, как «опыт» и «переживание» – индивидуальные, коллективные, исторические, в которых концентрируется внутренняя связь субъекта истории с объектами – как материальными, так и духовными – условиями его деятельности, с природными, социальными и культурными детерминантами его индивидуального и коллективного поведения. Человек или коллектив (социальная группа), как субъект исторического действия, выступает в нерасторжимой дуальности (М. Бургос, В.Б. Голофаст, А. Людтке, Л.П. Репина, и др.). Из разработок отечественных военных антропологов, изучающих «человека воюющего», интересным представляется предложенное в исследованиях Е.С. Сеньявской понятие «пограничная ситуация», а также проблема социально-психологической типологизации, вполне применимая для характеристики военной эмиграции.

Исследовательские методы, применяемые нами при изучении русской военной эмиграции в Китае, можно разделить на общеисторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический) и частные (биографический, дискурсивного анализа), характерные для междисциплинарных исследова-

ний. Историко-генетический метод позволяет раскрыть военную эмиграцию, как социальный феномен, в ее общих характеристиках, в относительной организационно-функциональной целостности и трансформациях, которые она претерпевала в хронологических границах своего существования, а также детерминированности этой целостности общим историко-культурным прошлым ее предшественников. Историко-сравнительный метод дает возможность сопоставить условия жизни и характер деятельности военных сообществ в различных частях Китая, выявив тем самым общие тенденции существования военной эмиграции. Историко-типологический метод применяется нами для выделения социально-психологических типов и отдельных групп, имеющих специфические характеристики, внутри военной эмиграции. «Индивидуализирующие» научно-исследовательские методы (в нашем случае биографический метод) позволяют раскрыть личностное измерение процесса социальной адаптации военных эмигрантов, проблему выбора индивидом его жизненной стратегии, проблемы сохранения, поддержания и трансляции разно-уровневой корпоративной идентичности. В целях выявления конструируемого военной эмиграцией идейно-политического контекста своего существования и динамики его развития мы прибегаем к методу дискурсивного анализа, ориентированному на изучение текстов, исходивших из среды военных эмигрантов.

Таким образом, сопряжение общеисторических методов, позволяющих рассмотреть военную эмиграцию в ее структурно-функциональной и смысловой целостности и динамике развития, неразрывно связанную и испытывавшую на себе влияние внешних по отношению к ней институтов и процессов, с индивидуализирующими методами, анализирующими личностное измерение изучаемого феномена, дает возможность представить историю военной эмиграции в Китае во всей ее полноте, противоречивости и многогранности.

Источниковая база исследования представлена в основном различными видами опубликованных и неопубликованных письменных источников. Согласно видовой характеристике их можно разбить на несколько групп: делопроизводственная документация эмигрантских организаций, воинских подразделений, а также советских спецслужб и дипломатического ведомства; материалы уче-

та и статистики; документы личного происхождения (переписка, дневники, воспоминания); следственные материалы на репрессированных эмигрантов из Китая; материалы периодической печати и другие эмигрантские печатные издания; фотодокументы.

Процесс формирования русской военной эмиграции в различных районах Китая нашел отражение в документах Охранной стражи КВЖД, воинских частей Белой армии, эвакуировавшихся в 1920–1922 гг. на территорию Китая, агентурных сведениях управления Красной армии и советских спецслужб, а также в воспоминаниях отдельных эмигрантов¹.

Характеризуя начальную стадию оформления организационных основ военной эмиграции, проблемы жизненного выбора и стратегий его реализации представителями военного сообщества в условиях необходимости адаптации к новой социально-культурной среде, мы обратились как к документам, отражающим институциональную сторону этих процессов (например, документы эмигрантских организаций), так и свидетельствам, демонстрирующим индивидуальный опыт вхождения в новую среду². Особенно ценными здесь являются документы, синхронно сформировавшиеся с протекавшими событиями, т. е. дневниковые записи. Если источники личного происхождения освещают проблему выбора индивидом той или иной жизненной стратегии, то обращение к материалам массовых источников (пусть и такому специфическому, как след-

¹ АВПРФ. Ф. 0100. Рефература по Китаю; ф. 0100б. Рефература по Маньчжурии; ф. 308. Генеральный консул СССР в Харбине; Будберг А.П. Дневник белогвардейца // Архив Русской Революции. Берлин, 1923-1924. Т. 12, 13; ГАРФ. Ф. Р-4325. Управление делами по устройству беженцев, Гензан; ф. Р-4698. Управление начальника снабжения рабочих организаций в Корее; ф. Р-5793. Рябиков П.Ф.; ф. Р-6081. Управление Китайской Восточной железной дороги; ф. Р-6599. Ильин И.С.; ф. Р-9145. Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций; РГВА. Ф. 7. Штаб РККА; Русская военная эмиграция 20-40-х гг. XX века. Т. 7. Восточная ветвь. 1920-1928 гг. М., 2015. 954 с.; VAR. Vorobchuk (A.P.) Papers; HIA. Petrov (P.P.) Papers; Serebrenikov (I.I.) Papers; и др.

² Дневник Георгия Ларина – хорунжего Оренбургского казачьего войска // Белая армия. Белое дело. 2015. № 22. С. 145-151; Дневник майора И.И. Штина // Балмасов С.С. Указ. соч. С. 204-231; Дневник полковника А.А. Тихобразова // Балмасов С.С. Указ. соч. С. 232-298; Зубец В.А. На службе в китайской армии // Русская Атлантида. 2009-2013. № 33-46; Ильинский А.А. Записки белогвардейца // Русская Атлантида. 2009. № 31; РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Собрание воспоминаний и дневников Морозова В.А. «Записки об эмиграции», и др.

ственные дела бывших эмигрантов)³ позволяет выявить спектр вероятностных стратегий.

Важное значение для реконструкции организационной, политической, боевой, благотворительной и других видов деятельности военной эмиграции имеют разнообразные документы организаций бывших военных. Наиболее крупный комплекс документов и прежде всего официальная и личная переписка руководителей различного ранга относится к дальневосточным подразделениям РОВС, самой массовой военной организации во всех регионах рассеяния русских эмигрантов⁴. Достаточно много сохранилось документов, отображающих деятельность шанхайского Казачьего Союза и Союза служивших в Российских армии и флоте в Шанхае, Союза казаков на Дальнем Востоке, Офицерского Собрания в Шанхае, обществ русских военных инвалидов⁵. В меньшей степени повезло таким организациям, как китайские подразделения КИАФ, Дальневосточный союз военных и Восточный Казачий союз⁶. Некоторая информация, касающаяся объединений военных, отложилась в документах «гражданских» организаций дальневосточной эмиграции – Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, Харбинского комитета помощи русским беженцам, Антикоммунистического комитета в Тяньцзине⁷.

Отдельные аспекты деятельности военных организаций нашли отражение в эмигрантской периодической печати, особенно в тех

³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Архивно-следственные дела.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5826. Русский Общевоинский Союз; ф. Р-5829. Лукомский А.С.; VAR. Russkii Obshche-Voinskii Soiuz (ROVS) Papers; НИА. Golovin (N.N.) Papers; Lukomskii (A.S.) Papers; Petrov (P.P.) Papers; Nedzvetskii (B.) Papers; Museum of Russian Culture. Русские эмигранты на Дальнем Востоке.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5963. Казачий Союз в Шанхае; ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 240; ГАХК. Ф. Р-829. Союз казаков на Дальнем Востоке; ф. Р-1497. Союз русских военных инвалидов в Маньчжу-Ди-Го; Краткая история Союза Русских Военных Инвалидов в г. Шанхае: К 10-летию юбилею его существования. 1926-1936. Шанхай, 1936. 56 с.; Офицерское собрание в Шанхае. 1926-1941. Шанхай, 1941. 65 с.; MRC. Русские эмигранты на Дальнем Востоке. Вых 2, 3.

⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2; ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 235, 241; ГАХК. Ф. Р-1129. Пограниченский район Дальневосточного союза военных; НИА. Moravskii Papers.

⁷ ГАХК. Ф. Р-830. Главное БРЭМ. Оп. 1, 3; ф. Р-1127. Отделение БРЭМ в Маньчжу-Ди-Го; ф. Р-1128. Харбинский комитет помощи русским беженцам; НИА. Kharbinskii komitet pomoshchi russkim bezhentsam; Abdank-Kossovskii Papers; Serebrenikov Papers.

изданиях, которые были близки или принадлежали объединениям военных – «Русское слово», «Грядущая Россия», «Армия и Флот», «Часовой», «Друг инвалида»⁸, и др. Кроме того, обращение к широкому кругу русских периодических изданий Китая помогает реконструировать обстановку и атмосферу жизни эмигрантских колоний.

Документы, позволяющие изучить деятельность военных организаций, дополняют, а иногда и восполняют материалы советских спецслужб, прежде всего военной разведки и ИНО ОГПУ. В этих материалах особенно подробно освещается антисоветская деятельность эмиграции. Кроме того, антисоветская деятельность эмигрантского актива, где первенствующую роль играли бывшие военные, представлена, хотя и достаточно фрагментарно, в документах РОВС, БРП и организации сибирских областников⁹.

Такой примечательный аспект деятельности русской военной эмиграции, как участие во внутри-китайских вооруженных конфликтах, позволяют осветить документы Русской группы войск Шаньдунской армии, включающие в себя приказы, рапорты, послужные списки, переписку и т. п.; воспоминания бывших военнослужащих Русской группы; агентурные сведения советской разведки; материалы периодической печати¹⁰. Служба русских эмигрантов в Шанхайском Волонтерском корпусе получила отражение в документах фонда «Тиме» Бахметьевского архива, периодике и изданной в США в 1984 г. истории русского подразделения ШВК, составленной «летописцем» Русского полка сотником Е.М. Крас-

⁸ Армия и Флот. Шанхай, 1926-1933; Голос России. Шанхай, 1932; Грядущая Россия. Харбин, 1934; Друг Инвалида. Шанхай, 1935-1941; Зарубежный казак. Харбин, 1940; Зов казака. Харбин, 1938; Русское слово. Харбин, 1926-1928, 1932-1935; Харбинское время (Время). Харбин, 1934, 1941-1945; Часовой. Париж, 1930-1936; HIA. Ilin (I.S.) clipping collection 1931-1932; и др.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5826; ВАР. ROVS Papers; HIA. Larin (G.P.) Papers; Moravskii Papers; MRC. Vox 1, 2; Архив св.-Троицкой духовной семинарии. Larin Papers; и др.

¹⁰ АВВРФ. Ф. 0100. Оп. 10; ГАРФ. Ф. Р-7043. Штаб Русской группы войск Шаньдунской армии; ф. Р-7044. Штаб 65-й дивизии 3-й армии Мукденских войск; Котляров Я. На службе у маршала Чжан Цзу-чана // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1968; Михайлов Д. Русский отряд на службе в китайской армии. 1924-1928 // Русская жизнь. 1968; Политическая история русской эмиграции: Документы и материалы. М., 1999. 776 с.; РГВА. Ф. 25895. Управление Среднеазиатского военного округа; и др.

ноусовым. Для описания военной службы русских эмигрантов в армии Маньчжоу-го, а также их участия в военизированных охраняемых структурах и волонтерских подразделениях в Маньчжурии были привлечены прежде всего многочисленные следственные материалы на эмигрантов, вывезенных из Китая в СССР в 1945–1946 гг., и хранящиеся сейчас в ряде государственных и ведомственных архивов, а также разрозненные документы из других архивов, материалы периодической печати и воспоминания¹¹.

Анализ взаимодействия военных организаций и молодежных объединений эмиграции, обеспечения военного образования для молодежи, характера межпоколенных отношений, участия русской молодежи в китайских военных конфликтах и антисоветском движении совместно с бывшими военными обеспечивают разнообразные документы и воспоминания участников молодежных организаций, периодическая печать¹², агентурные сведения советской разведки, следственные материалы, мемуарная литература.

Использованная нами источниковая база представляется достаточной для осуществления всестороннего исследования в рамках заявленных теоретико-методологических подходов.

Новизна. Впервые в отечественной историографии русская военная эмиграция в Китае представлена в качестве самостоятельного предмета исследования, исторического феномена, изучаемого в рамках его «жизненных» циклов от становления до исчезновения. В работе предложен комплексный анализ жизни русской военной эмиграции в Китае в ее важнейших составляющих: проблемы формирования и организационной структуры, социальной адаптации и поддержания обще- и узкокорпоративной идентичности, консолидации и участия в антибольшевистском движении, роли русских военных во внутривосточных событиях в Китае в 1920–40-е гг.,

¹¹ АВПРФ. Ф. 01006. Оп. 8. П. 123; Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Прекращенные архивно-следственные дела. Д. ПУ-5094; ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2; ГАПК. Ф. 1588; ГАХК. Ф. Р-829; Луч Азии. Харбин, 1943, 1944; Перминов В.В. Наказание без преступления. Чита, 2010. 96 с.; Харбинское время (Время). Харбин, 1943-1945, и др.

¹² Вестник. Отдел Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков в Северном Китае. Тяньцзинь, 1939; ГАРФ. Ф. Р-9145; Голос скаута. Харбин, 1921; Мушкетер. Харбин, 1932, 1936, 1942; Нация. Шанхай, 1937; НИА. Kniazeff (A.N.) Papers; Nedzvetskii Papers; и др.

сохранения и преемственности традиций и духа Российской армии для молодого поколения русских эмигрантов, формирования и роли эмигрантской военной молодежи. Кроме того, в научный оборот вводится широкий комплекс документов, не только отечественных (в том числе и ведомственных), но и американских архивохранилищ, еще слабо задействованных отечественными исследователями.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Русская военная эмиграция в Китае, несмотря на высокий уровень фрагментации (территориальной, корпоративной, «партийной») являла собой сообщество, имеющее свои организационные формы, способы поддержания корпоративной идентичности, и обладала способностью к самоорганизации и самосохранению в достаточно неблагоприятных условиях страны пребывания.
2. Особенности социальной адаптации русских военных были обусловлены как внешними (политическими, социально-культурными, экономическими), постоянно трансформировавшимися на протяжении изучаемого периода и имевшими региональную специфику, так и внутренними (статусными и личностными) факторами. При этом один из главных, смыслообразующих элементов действительности для бывших участников Белого движения – антисоветская активность, в различные периоды существования эмиграции мог как препятствовать процессу адаптации, так и способствовать ему, выступая в качестве адаптационной стратегии.
3. Бывшие военные являлись наиболее активным элементом в общественно-политической жизни русской эмиграции в Китае, авангардом антибольшевистского движения. Вместе с тем, характер и степень участия военных эмигрантов в продолжении борьбы против советской власти определялись множеством факторов. Относительно самостоятельное военно-политическое значение русской военной эмиграции было окончательно ликвидировано с установлением на части территории Китая господства японцев, стремившихся использовать военно-политический потенциал русской эмиграции в своих целях.
4. Помимо активного участия в общественно-политической жизни военные эмигранты сыграли важную роль в развитии образования, спорта, издательской деятельности, в экономической и культурной жизни «русского» Китая.

5. Военные эмигранты в сравнение с другими слоями русской эмиграции были наиболее тесно связаны с внутри-китайской и международной ситуацией на Дальнем Востоке в 1920–40-е гг. и внесли определенный вклад в противостояние распространению леворадикального движения в Китае и способствовали целенаправленно или вынуждено установлению здесь власти японцев.

6. Процесс консолидации, характерный для русской военной эмиграции в Китае на протяжении 1920–1930-х гг., шел как на узко-, так и общекорпоративном уровнях. Общекорпоративная консолидация, осуществлявшаяся на политической основе и достигшая пика в своем развитии под руководством европейских военно-политических центров на рубеже 1920-х – 1930-х гг., не могла быть до конца реализована из-за целого ряда внутренних и внешних неблагоприятных факторов. Наивысший уровень консолидации бывших русских военных был достигнут в т. н. японский период, но он осуществлялся в полупринудительном порядке и способствовал дальнейшей формализации и выхолащиванию идейных основ объединения, а следовательно деградации военного сообщества, как авангарда антибольшевистского движения.

7. Несмотря на неблагоприятные социальные и политические условия, военная эмиграция оказала существенное влияние на русскую молодежь и сумела в известной мере обеспечить военное образование и трансляцию традиций Российской и Белой армий с ведущей в них ролью патриотизма в молодежную среду русской эмиграции, что, в свою очередь, способствовало сохранению «русскости» молодого поколения эмигрантов. На протяжении 1920-х – первой половины 1940-х гг. сформировался особый слой молодых военных эмигрантов, занимавший важное место в планах как эмигрантского актива, так и японских властей в Китае.

8. Окончательный упадок и исчезновение русской военной эмиграции в Китае были связаны как с внутренними процессами, характерными для военного сообщества в годы Второй мировой войны, так и с внешними обстоятельствами, обусловленными сначала японским господством, а позднее установлением советского контроля над Маньчжурией и победой китайских коммунистов в гражданской войне в конце 1940-х гг.

9. Важную, а иногда и решающую роль в жизни военно-эмигрантского сообщества играл личностный фактор, реализую-

щийся прежде всего в способности личности принять то или иной решение в конкретно-исторических условиях индивидуальной жизненной практики.

Достоверность и обоснованность научных выводов обеспечивается широкой источниковой базой исследования, выбором адекватных исследуемой теме научных методов и принципов, учетом достижений отечественных и зарубежных исследований в рамках избранной проблематики.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в том, что исследование русской военной эмиграции в Китае, как составной части Русской Армии в изгнании, открывает возможности для целостного описания этого феномена в рамках Русского Зарубежья 1920-х – 1940-х гг.; способствует изучению современных миграционных процессов и особенностей социальной адаптации русских диаспор к новой среде проживания; метод сопряженности личностного и институционального факторов в изучении военной эмиграции помогает описать личностный опыт переживания воздействия на человека внешних для него структур и институтов, тем самым «оживляя» историю. Выводы и материалы диссертации могут быть использованы для подготовки обобщающих исследований по истории русской эмиграции т. н. первой волны и более широко – отечественной истории XX века; разработки учебных пособий и курсов по истории русской эмиграции. Материалы исследования использовались автором в учебном процессе при чтении лекций в рамках специальных и общих курсов, посвященных проблемам новейшей истории афро-азиатских стран.

Апробация основных положений исследования осуществлялась на международных, всероссийских и региональных научных конференциях в Санкт-Петербурге (2012, 2016), Москве (2014, 2015, 2017), Владивостоке (2016), Екатеринбурге (2014, 2015, 2016, 2017). Содержание диссертационного исследования нашло отражение в книгах, посвященных проблеме социальной адаптации русских эмигрантов и истории отряда Асано.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Изложение материала построено на сочетании проблемного и хронологического принципов, позволяющем наиболее полно представить содержание изучаемого предмета.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, формулируются объект и предмет, цель и задачи исследования, обозначаются хронологические и территориальные границы, характеризуется степень научной разработанности и отмечается новизна исследуемой темы, описывается методология и источниковая база исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, подтверждается достоверность и обоснованность выводов, указываются теоретическая и практическая значимость работы, представляется апробация ее результатов и структура диссертации.

В **первой главе** «*Становление русской военной эмиграции в Китае (первая половина 1920-х гг.)*» характеризуется процесс эвакуации отдельных войсковых соединений и групп белого Восточного фронта в различные районы Китая, формирования основных центров русской военной эмиграции в этой стране, анализируется количественный и качественный состав военной эмиграции и особенности начальной фазы социальной адаптации военных эмигрантов.

В *первой параграфе* «*Предыстория русской военной эмиграции в Китае (1917–1919)*» рассматривается послереволюционный период, характеризующийся в России Гражданской войной, и ситуация, сложившаяся в это время для русских в Китае, особенно в Маньчжурии.

Основными факторами, определившими особенности складывания русской военной эмиграции в Китае, являлись: 1) наличие на северо-востоке страны (Маньчжурии) сформировавшейся в начале XX в. российской сферы влияния с уникальной социокультурной средой; 2) образование в Маньчжурии одного из наиболее ранних и устойчивых центров российского антибольшевистского сопротивления, превратившего полосу отчуждения КВЖД в базу Белого движения. Сохранение в Маньчжурии прежних российских административных и воинских структур после прихода к власти в России большевиков способствовало притоку сюда с российской территории бывших военнослужащих Российской армии, главным образом офицеров, часть из которых вошла в состав вооруженных

отрядов, ориентированных на борьбу с советской властью. С осени 1918 г. полоса отчуждения КВЖД стала тылом белого Восточного фронта, где продолжали сохраняться русские вооруженные контингенты. Однако попытки Омского правительства адмирала А.В. Колчака превратить полосу отчуждения в кадровый центр Восточного фронта не увенчались успехом. К тому же главный контингент русских военных, нашедших себе пристанище в Китае и оставшихся здесь после осени 1918 г., составили те, кто не желал участвовать в гражданской войне. Падение Омского правительства способствовало переходу власти в полосе отчуждения к китайской администрации, ликвидации русских военно-управленческих структур и отмене привилегий для бывших российских подданных на китайской территории, что превратило их в эмигрантов.

Во *втором параграфе «Основные потоки русской военной эмиграции в Китай (1920–1922) и их характеристика»* представлен процесс эвакуации военнослужащих Белой армии в различные регионы Китая, показаны трансформация воинской массы в военную эмиграцию, количественный и качественный состав военной эмиграции.

Эвакуация белых частей в Китай насчитывала три большие волны: январь – март 1920 г. (преимущественно на территорию Синьцзяна, Монголии и Маньчжурии), октябрь – ноябрь 1920 г. (главным образом Маньчжурия) и октябрь 1922 г. (Маньчжурия, Корея, Шанхай). При этом эвакуация шла параллельно с процессом репатриации и реэмиграции части бывших военных. Две первые волны эвакуации привели лишь к частичному оседанию русских военных на китайской территории. Незавершенность Гражданской войны на российском Дальнем Востоке стимулировала сохранение на протяжении 1922–1923 гг. интернированных воинских контингентов в приграничных зонах в целях продолжения антисоветской борьбы. Последний контингент интернированных белых войск (бывшая Земская Рать генерала М.К. Дитерихса) был рассеян в конце 1923 г. и только небольшая группа русских военных под командованием генерала Ф.Л. Глебова, отказавшаяся от интернирования, сохранялась в Шанхае до 1927 г. К середине 1920-х гг. русская воинская масса в Китае окончательно превратилась в военную эмиграцию.

К этому времени количество бывших русских военных на территории Китая составляло 30–35 тыс. человек, 7–8 тыс. из этого состава являлись офицерами, наиболее устойчивым к репатриации и «идейным» элемент военной эмиграции. Рядовой состав военной эмиграции больше чем наполовину был представлен казаками, первыми по численности среди которых являлись забайкальцы и оренбуржцы. Качественный состав военной эмиграции в Китае в отличие от ее европейского контингента лишь в незначительной степени был представлен кадровыми военными, менее 10% от общего числа. Двумя основными центрами, где сосредоточилось большое количество кадровых военных и офицеров, окончивших академию Генштаба, являлись Харбин и Шанхай.

Важным фактором, обуславливавшим внутреннюю неоднородность военной эмиграции, являлась т. н. «партийная» (групповая) принадлежность, сформировавшаяся в среде военнотружущих в годы Гражданской войны. Наиболее крупными «партиями», отношения между которыми были откровенно враждебными, являлись «каппелевцы» и «семеновцы». Собственно политическая принадлежность в среде военных эмигрантов была выражена очень слабо. Основную часть бывших военных можно было бы причислить к стихийным монархистам.

В *третьем параграфе «Сообщество военных эмигрантов в первой половине 1920-х гг.: социальная адаптация и организационная активность»* характеризуется процесс формирования сообщества русских военных эмигрантов, его территориальные особенности, и основные проблемы, связанные с приспособлением бывших военных к новой среде проживания.

В первой половине 1920-х гг. сложилось три основных региона расселения военных эмигрантов в Китае: Маньчжурия; провинция Синьцзян; города Северного Китая и Шанхай. Наименее благоприятные условия для существования военной эмиграции сложились в Синьцзяне, что привело к большому оттоку русских военных в другие регионы и обусловило организационную слабость русского военного сообщества на северо-западе Китая. Наиболее крупными центрами военной эмиграции являлись Харбин и Шанхай, важную роль также играли Мукден и Тяньцзинь.

В отличие от Европы русская военная эмиграция в Китае лишь частично сохранила организационное единство, имея достаточно

высокую степень внутренней конфликтности, обусловленной противостоянием отдельных «партийных» группировок. Наиболее активная (и наименьшая по численности) часть военной эмиграции стала базой для продолжения антибольшевистского сопротивления, представленного как партизанскими отрядами, располагавшимися преимущественно в Маньчжурии, так и антисоветскими организациями, существовавшими повсеместно. К середине 1920-х гг. в условиях ликвидации основные белопартизанских центров большая часть бывших военных отказалась от продолжения антисоветской борьбы и сделала ставку на адаптацию к новым условиям жизни, успешность которой не предполагала участия в антисоветской деятельности. Выбор человеком стратегии, ориентированной на адаптацию или дезадаптацию, был обусловлен не только внешними обстоятельствами, но и внутренними характеристиками, в частности, социально-психологическим состоянием и отношением к советской власти, на основе которых мы с известной долей условности выделили пять типов военных эмигрантов: «люди войны», активные антибольшевики, пассивные антибольшевики, «перерожденцы» и «шкурники».

Процесс первичной адаптации значительной части бывших военных был не достаточно успешным: многие военные эмигранты не имели устойчивого правового статуса, не располагали постоянной работой и жильем, что сказывалось на психическом состоянии, препятствовало созданию семей и нередко вело к девиантному поведению. Условия бывшей полосы отчуждения КВЖД с ее русской экономической и социально-культурной инфраструктурой были наиболее пригодны для социальной адаптации эмигрантов. Но военно-политическая активность части военной эмиграции в силу близости региона к России и значимость Маньчжурии для решения внешнеполитических задач советского государства затрудняли этот процесс.

Важным элементом жизни русской военной эмиграции этого периода стало создание организаций бывших военных, способствовавших процессу их первичной адаптации, консолидации на базе внутрикорпоративных объединений, поддержанию «общекорпоративной» и «узкокорпоративной» идентичности. Общей чертой большинства этих организаций являлся декларируемый ими антисоветский характер. Наиболее благоприятная атмосфера для орга-

низационной консолидации русских военных с присущим ей духом антисоветизма существовала на территории иностранных концессий Шанхая и Северного Китая. В Маньчжурии, где сосредоточилась основная масса бывших военных, официальная деятельность организаций военных была запрещена и им приходилось работать «под крышей» общественных объединений.

Во **второй главе** «*Консолидация военной эмиграции (середина – конец 1920-х гг.)*» рассматриваются первые попытки объединения русских военных организаций в Китае, сохранения боевого потенциала военной эмиграции и распространения ее влияния на русскую молодежь, предпринимавшиеся при активном участии европейских военно-политических центров.

В *первом параграфе* «*Попытки объединения военных организаций. Военные организации в общественно-политической жизни эмиграции*» показаны роль военных организаций и отдельных военных в политической жизни русской эмиграции в Китае, мероприятия по объединению военной эмиграции, характер и степень участия в этом процессе западных центров, противостояние между военными организациями, принадлежавшими к различным «партийным» группировкам.

Середина 1920-х гг. открыла новый этап в жизни русской военной эмиграции, что было обусловлено возросшей активностью Советского Союза в Китае и начавшимся в Европе процессом консолидации военной эмиграции с целью продолжения антибольшевистской борьбы. Главными претендентами на руководство процессом консолидации военной эмиграции в Китае выступали «николаевцы» и «кирилловцы» (легитимисты), постоянно конкурировавшие между собой. Кроме того, претензии на возглавление объединения выдвигали атаман Семенов, поддерживавшийся частью казачества, и даже сибирские областники, чье влияние в военных кругах было самым незначительным. В противостоянии между «кирилловцами» и «николаевцами» приоритет, как и в Европе, имели «николаевцы», на которых ориентировалась большая часть русских военных организаций Китая.

Первоначально процесс консолидации военной эмиграции был вялотекущим. Этому способствовало и то, что роль военных организаций и отдельных военных в общественно-политической жизни эмигрантских колоний в Китае была более высокой, нежели в Ев-

ропе, что вело к росту внутренней неоднородности военного сообщества и создавало серьезные препятствия объединению. Только летом 1927 г. благодаря исправлению «николаевским» центром некоторых ошибок в руководстве Дальним Востоком, а также росту международной напряженности и ухудшению советско-китайских отношений процесс объединения приобрел реальные черты. На протяжении 1927 г. заметно выросла активность белопартизанских отрядов и групп в приграничных с СССР районах. Однако их деятельность не была подчинена единому центру, ощущалась острая нехватка оружия и финансовых средств, а попытка «николаевцев» сформировать в 1928 г. крупную боевую единицу – Дальневосточный Корпус Русских Добровольцев – потерпела полное фиаско.

Летом 1928 г. был создан Дальневосточный отдел РОВС. Несмотря на то, что формирование отдела затянулось до осени 1930 г., его появление наряду с созданием Дальневосточного объединения эмиграции, своеобразного союза «гражданских» организаций преимущественно «николаевской» ориентации, стало существенным фактором в деле дальнейшей консолидации военной эмиграции в Китае. Наиболее активно этот процесс шел в Шанхае, Харбине, Мукдене и Тяньцзине, хотя и с разной степенью интенсивности. Единственным регионом, почти не затронутым объединительным процессом, являлся Синьцзян. Объединительная деятельность «николаевцев» подталкивала активность их оппонентов в этом направлении. Но успехи «кирилловцев» и «семеновцев» в деле консолидации военных кругов были крайне незначительны. В то же время и те и другие в меру своих возможностей создавали препятствия в работе «николаевцев», что было на руку прежде всего большевикам, а иногда и осуществлялось при участии советской разведки.

Во *втором параграфе «Русские военные организации и русские военнослужащие в китайской армии (1924–1928)»* рассматриваются попытки военных организаций «николаевской» ориентации распространить свое влияние на русский воинский контингент в китайской армии и борьба за контроль над русскими подразделениями со стороны различных политических сил.

Сохранение или создание русских воинских контингентов для продолжения борьбы с большевиками было одной из важнейших задач военной эмиграции. В Китае в отличие от Европы крупные

воинские группы и их штабные структуры благодаря усилиям китайских властей и советских спецслужб были ликвидированы еще в 1922–1923 гг. Однако привлечение администрацией Чжан Цзолина русских военных на службу в Мукденскую и Шаньдунскую армии привело к созданию крупной воинской группировки из русских наемников (в рядах этих армий служили в разное время 5–6 тыс. военных эмигрантов). Русский контингент в этих армиях, существовавший в 1924–1928 гг., практически сразу стал ареной конкурентной борьбы антисоветских кругов эмиграции.

Отношение «николаевцев» к службе русских в китайских войсках было весьма непоследовательным. Не приветствуя службу русских военных в китайской армии, «николаевский» центр в то же время не препятствовал усилиям харбинского Офицерского союза, наиболее крупного из военных объединений «николаевской» ориентации в Маньчжурии, поставить под контроль командование Русской группы войск. При непосредственном участии харбинцев в Русской группе было организовано т. н. «политбюро», пытавшееся придать «политическую физиономию» русскому наемничеству. Главным оппонентом «политбюро» являлась группировка «ландскнехтов», декларировавших отстраненность от «политики». Борьба между этими группировками шла с переменным успехом на протяжении 1925–1927 гг., что активно использовали в своих целях легитимисты и «семеновцы». Даже изменение в 1927 г. отношения «николаевского» центра к Русской группе войск не вызвало эффективных мер по ее превращению в кадровый резерв для подготовки антибольшевистских войск. Цели китайского командования и «политбюро» Русской группы не совпадали, в среде русских военнослужащих преобладал дух наемничества, само «политбюро» претерпело раскол. Кроме того, Мукденская и Шаньдунская армии несли военные поражения и положение русских военнослужащих заметно ухудшилось. С начала 1928 г. Русская группа стала быстро сокращаться в численности и в конце года окончательно исчезла. После 1928 г. в китайской армии в качестве военных инструкторов остались лишь отдельные русские офицеры.

В сравнение с Русской группой войск Русский отряд, созданный в 1927 г. в составе ШВК, возглавляемый и состоящий в массе своей из последовательных врагов советской власти, в большей степени мог претендовать на роль кадровой боевой единицы для

будущих антисоветских вооруженных формирований. Однако отряд создавался для чисто утилитарных целей охраны иностранных концессий и всецело зависел от интересов западных держав, не стремившихся к открытой конфронтации с СССР.

В *третьем параграфе «Военная эмиграция и молодежное движение»* исследуется влияние отдельных представителей военной эмиграции и военных организаций на формирование эмигрантского молодежного движения и вовлечение эмигрантской молодежи в антисоветское движение.

В первые годы существования русской эмиграции в Китае эмигрантское молодежное движение было представлено исключительно скаутскими подразделениями в Маньчжурии, традиционно возглавляемыми офицерами, и стоявшими вне политики. Только во второй половине 1920-х гг. в результате раскола скаутского движения появилось его политизированное и «милитаризированное» крыло – организация русских разведчиков, тесно связанная с военными организациями «николаевской» направленности. Появление русского политизированного молодежного движения в Китае (преимущественно в Маньчжурии) было вызвано прежде всего усилением в середине 1920-х гг. советского влияния и целенаправленной политикой советского руководства по советизации русской молодежи. Непосредственное участие в формировании отдельных молодежных организаций имели русские офицеры (например, Орден крестоносцев, Русский Сокол). Главным центром организационной активности эмигрантской молодежи долгое время являлся Харбин. Часть членов молодежных объединений, стремясь получить военное образование и боевой опыт, поступали на службу в китайскую армию, либо участвовали в белом партизанском движении. К концу 1920-х гг. большинство молодежных организаций заявили о своей «николаевской» ориентации, хотя во многом это была лишь формальность. Легитимисты на этом фронте явно проигрывали, практически не имея «собственных» молодежных объединений. Также в это время не существовало специальных казачьих молодежных структур.

Среди молодежных объединений особое место занимало позиционировавшее себя альтернативой старому Белому движению фашистское движение, организаторы которого также были представлены в основном военной молодежью. И хотя Русская фашист-

ская организация, крупнейшая из фашистских групп, приняла сторону «николаевцев», деятельность ее оставалась автономной, а в руководстве РФО существовала оппозиция, негативно настроенная к ним.

В третьей главе «Русская военная эмиграция в условиях нового подъема антибольшевистской борьбы и начала японской экспансии в Китае (конец 1920-х – середина 1930-х гг.)» анализируется этап завершения консолидации русской военной эмиграции, происходивший на рубеже 1920-х – 30-х гг. на фоне очередного обострения советско-китайских и международных отношений на Дальнем Востоке и отмеченный новым подъемом антибольшевистской борьбы, а также последовавший спад антисоветской активности эмиграции и нарастание внутренних противоречий в условиях начавшейся японской военной экспансии в Китае.

В первом параграфе «Завершение процесса консолидации военной эмиграции (1929–1931)» раскрываются особенности объединения военной эмиграции на рубеже 1920–1930-х гг., возглавляемого «николаевцами», а также роль русских военных в советско-китайском конфликте 1929 г. и его влияние на развитие антибольшевистского движения.

Конфликт 1929 г. всколыхнул русскую эмиграцию и существенно активизировал ее антисоветские круги. Между тем, нежелание китайских властей до осени 1929 г. привлекать к участию в конфликте русских эмигрантов и отсутствие поддержки со стороны РОВС и Дальневосточного объединения эмиграции не привели к широкому участию в конфликте на стороне китайцев военной эмиграции, а сокрушительное поражение китайской армии и возвращение на КВЖД советского руководства только ухудшили положение радикалов. Тем не менее, конфликт 1929 г. ускорил оформление подразделений Дальневосточного отдела РОВС, завершившееся с приходом к руководству отделом летом 1930 г. генерала Дитерихса. Дальневосточный отдел, имея центр в Шанхае, вобрал в себя большую часть русских военных объединений Китая.

Основной задачей Дальневосточного отдела стала подготовка национальной революции в России, для чего был достигнут альянс между РОВС, Дальневосточным объединением эмиграции и БРП. К этому альянсу отказались примкнуть легитимисты и «семеновцы», чья активность на протяжении 1930–1931 гг. также заметно

выросла. Легитимисты создали в Маньчжурии и Шанхае подразделения КИАФ, а Семенов реанимировал деятельность Союза казаков и бывших чинов Дальневосточной армии, рассчитывая на поддержку со стороны японцев. Таким образом, достичь полного объединения эмиграции на Дальнем Востоке все-таки не удалось, а отсутствие серьезной финансовой базы и внешней поддержки у эмигрантского актива, вкуче с сохранением мощных позиций СССР в Маньчжурии, наиболее удобной территории для осуществления антисоветской деятельности, и эффективными действиями советских спецслужб, сделали все его усилия по развертыванию антибольшевистской борьбы малопродуктивными. Что, в свою очередь, способствовало ослаблению роли активистского альянса и нарастанию центробежных тенденций в среде военной эмиграции. С 1932 г. и без того неполного и неустойчивого единства военной эмиграции стало разрушаться.

Второй параграф «Русские военные организации Шанхая и Северного Китая в условиях нарастания внутренних противоречий (1932–1937)» посвящен анализу деятельности военных организаций Шанхая и Северного Китая в период расширяющейся японской агрессии на континенте, сыгравшей важную роль в усилении внутренних противоречий в военно-эмигрантской среде.

Военная экспансия Японии в Китае имела непосредственное и очень серьезное влияние на судьбы русской военной эмиграции. Несмотря на то, что руководство Дальневосточного отдела РОВС заявило о складывании благоприятной обстановки для антисоветского выступления белой эмиграции в связи с японской экспансией, сам Обще-Воинский Союз и генерал Дитерихс не получили никакой поддержки со стороны японцев, преследовавших в Маньчжурии свои национальные интересы, которые не предполагали немедленной войны против СССР. Недоверие японцев к «николаевским» организациям было использовано их противниками, настроенными на тесные контакты и сотрудничество с японскими структурами. К началу 1933 г. сложился фашистско-легитимистско-семеновский альянс, развернувший работу по дискредитации лидеров РОВСа и Дальневосточного объединения эмиграции, тайно поддерживавшуюся японскими кругами. Это способствовало утрате «николаевцами» прежних лидирующих позиций в политической жизни эмиграции и ускорило развал относительного

единства ее военных кругов. Шанхай в первой половине 1930-х гг. постепенно утратил роль главного консолидирующего и направляющего центра военной эмиграции в Китае. Во второй половине 1930-х гг. работа РОВС в Китае оказалась почти свернута. Фашистско-легитимистско-семеновский альянс, ядро которого находилось в Маньчжурии, используя ослабление РОВС, предпринял усилия по укреплению своих позиций в Северном Китае и Шанхае. Однако этот процесс шел не очень успешно, поскольку сам альянс имел серьезные внутренние противоречия, к тому же позиции легитимистов значительно пошатнулись после ликвидации в 1935 г. по требованию японских властей подразделений КИИФ в Маньчжурии. В условиях нарастания внутренних противоречий основной потребностью военных эмигрантов, чей интерес к политической деятельности резко снизился, стала борьба за выживание.

В *третьем параграфе «Русская военная эмиграция в Маньчжурии в период японской оккупации и формирования «независимого» государства Маньчжоу-го (1932–1935)»* характеризуется изменение условий жизни и деятельности русской военной эмиграции в Северо-Восточном Китае, взаимоотношения между ведущими военными организациями, борьба за единство военных кругов и проблема продолжения антисоветской деятельности.

Оккупация японцами Маньчжурии и создание здесь «независимого» государства Маньчжоу-го существенно изменили условия жизни военной эмиграции. Теперь военные организации получили возможность свободной деятельности; статус русского офицера был реабилитирован; политическая активность, ранее препятствовавшая социальной адаптации индивида, в новых социально-политических условиях Маньчжоу-го стала важнейшей адаптационной стратегией; появились новые сферы занятости. Японцы, столкнувшись с сильным противодействием со стороны китайского населения Маньчжурии и поддержкой антияпонского сопротивления советской стороной, нуждались в союзниках и белая военная эмиграция, часть которой была склонна видеть в японцах покровителей и искала сотрудничества с ними, очень хорошо подходила на эту роль. С 1932 г. русские военные стали активно привлекаться в создававшиеся в восточной части Маньчжурии охранные отряды, а также в структуры пограничной охраны, расширились контакты военной эмиграции с японскими спецслужбами.

Рост значимости бывших военных привел к усилению их роли в руководящих структурах и жизни эмиграции. Между тем, «политическая» разобщенность военной эмиграции сохранилась, а накал конкурентной борьбы между ведущими военными организациями существенно вырос. Главное противостояние развернулось между фашистско-легитимистско-семеновским альянсом, связанным с японскими военно-политическими кругами, и маньчжурскими отделами РОВС. Поражение в этом противостоянии РОВС не принесло реальной победы альянсу, оказавшемуся в состоянии внутреннего распада. Главную пользу из этого извлекли японцы, постепенно лишавшие русские военные организации даже видимости самостоятельности.

Нуждаясь в единстве военной эмиграции, японцы подталкивали военные организации к объединению. В начале 1934 г. возник проект создания русского отдела правонационалистической организации Союз справедливости Великой Японии на базе фашистско-легитимистско-семеновского альянса, который так и не был осуществлен. В декабре 1934 г. при непосредственном участии японских спецслужб в Харбине было создано Бюро по делам русских эмигрантов (БРЭМ), административная структура, руководившая делами эмигрантской общины. В руководстве БРЭМ оказались «семеновцы», фашисты и отколовшиеся от основного движения легитимисты под руководством генерала В.А. Кислицина. Для объединения бывших военных в 1935 г. начал работать Дальневосточный союз военных (ДВСВ), формально являвшийся 7-м отделом БРЭМ, а консолидацию казаков курировал «семеновский» Союз казаков на Дальнем Востоке (ДВСК). Другие русские военные объединения были ликвидированы. Все это привело к оттоку из Маньчжурии некоторой части эмигрантов, в том числе и бывших военных, в Северный и Восточный Китай.

В четвертом параграфе *«Русские военные эмигранты в Синьцзяне и их участие в подавлении мусульманских восстаний»* рассматривается период наивысшей активности русской военной эмиграции в Синьцзяне, связанный с важной ролью, которую русские сыграли в подавлении мусульманского повстанческого движения и сохранении администрации края в руках китайских властей.

До начала 1930-х гг. русская военная эмиграция в Синьцзяне, малочисленная и внутренне разобшенная, не проявляла большой активности. Связи с другими регионами Китая были очень слабыми. Из ведущих политических сил эмиграции некоторое влияние в Синьцзяне имели только «николаевцы», в 1930 г. в Урумчи было создано представительство Дальневосточного объединения русской эмиграции. Событием, существенно усилившим роль русской эмиграции и, прежде всего, военных в жизни Синьцзяна, стало мощное повстанческое движение мусульманских народов, развернувшееся в 1931 г. Восстание заставило русских эмигрантов, опасавшихся быть уничтоженными вместе с китайцами, поддержать китайские власти провинции. Сформированные в 1931 г. из бывших русских военных первые воинские отряды показали свою высокую эффективность и с 1932 г. началась широкая мобилизация русского населения Илийской области в китайскую армию. В результате мобилизации была создана русская дивизия, командование которой оказалось в руках активных белых во главе с подполковником П.П. Папенгутом, бывшим руководителем Офицерского союза в Илийской области.

Наивысшего влияния белое руководство достигло в середине 1933 г., обеспечив приход к власти в результате военного переворота нового генерал-губернатора Синьцзяна – полковника Шэн Шицая. Опасаясь усилившихся позиций белоэмигрантов и желая ускорить подавление восстания, Шэн Шицай обратился за помощью к Советскому Союзу. Ввод советских войск в Синьцзян осенью 1933 г. привел к ликвидации антисоветского руководства эмигрантскими воинскими частями и поставил их под контроль советской разведки. После окончательного подавления повстанческого движения летом 1934 г. Шэн Шицай резко сократил присутствие русских в войсках Синьцзяна, что вызвало серьезные трения с эмигрантским военным руководством, сглаженное вмешательством советских представителей. Недовольство просоветским режимом Шэн Шицай подтолкнуло русских эмигрантов к отказу поддержать китайскую администрацию в условиях нового мусульманского восстания в 1937 г. Это привело в дальнейшем к репрессиям в отношении нелояльных русских и серьезным «чисткам» в среде бывших военных. К началу 1940-х гг. русская военная эмиграция в Синьцзяне практически прекратила свое существование.

В четвертой главе «Русская военная эмиграция в период японского господства в Китае и после окончания Второй мировой войны» анализируются особенности жизни и деятельности военной эмиграции в условиях военно-политического доминирования Японии в Китае и строительства Восточноазиатской сферы совместного процветания, трансформации, произошедшие с военным сообществом в годы Второй мировой войны, и исчезновение военной эмиграции во второй половине 1940-х гг.

В первом параграфе «Русская военная эмиграция в Маньчжоу-го (1935–1945)» рассматривается роль и место бывших военных в жизни русской эмигрантской колонии Маньчжоу-го, их взаимоотношения с японскими спецслужбами, участие в антисоветской деятельности, проблема становления молодого поколения русских военных, а также деградация военного сообщества в первой половине 1940-х гг.

На протяжении 1935–1938 гг. в Маньчжоу-го завершился полупринудительный процесс консолидации военной эмиграции. В организационном плане она была в основном представлена двумя союзами – ДВСВ и ДВСК. В общей сложности, включая эмигрантскую молодежь, эти союзы объединяли к началу 1940-х гг. около 10 тыс. человек. В массе своей это были т. н. «пассивные антибольшевики», практически не участвовавшие в политической деятельности в период 1920-х гг. Консолидация военной эмиграции под эгидой японцев не привела к полному исчезновению противоречий между ее отдельными группировками, главной ареной борьбы которых с середины 1930-х гг. стала политико-административная сфера – органы БРЭМ.

Во второй половине 1930-х гг. роль военных в эмигрантском сообществе Маньчжоу-го существенно выросла. Позиционируя своей главной задачей подготовку к свержению советской власти в СССР, русские военные организации активизировали военно-патриотическое воспитание эмигрантской молодежи, способствуя тем самым «милитаризации» жизни эмигрантской колонии. Однако никаких самостоятельных шагов в закордонной деятельности эмигрантских организаций японцы не допускали. С 1938 г. под полный контроль ЯВМ была поставлена подготовка разведывательных и пропагандистских кадров из эмигрантов на случай войны с СССР, а также появилось первое армейское подразделение из русских – от-

ряд Асано. Своего пика «милитаризация» эмигрантской колонии достигла в начале 1940-х гг. в условиях развернувшихся советско-германской и Великой Восточноазиатской войн. Организация воинских подразделений в Маньчжоу-го из русских эмигрантов и распространение на русских воинской повинности привело к появлению нового слоя русской военной эмиграции, слоя немногочисленного и лишь поверхностно впитавшего идеологию паназиатизма, поэтому не ставшего надежной опорой «многонационального» государства Маньчжоу-го.

Война Советского Союза против Германии привела к расколу эмигрантской колонии на «пораженцев» и «оборонцев». Если в 1941–1942 гг. доминировали «пораженцы», то в дальнейшем на первый план на фоне растущего в эмигрантской среде патриотизма вышли «оборонцы». Рост патриотических настроений был не только следствием войны, но и неприятия основной массой эмигрантов японской политики унификации в Маньчжоу-го, нередко выливавшейся в откровенную японизацию. За годы войны усилились неблагоприятные факторы в русской военной среде Маньчжоу-го – рост профессиональной деградации, старение и численное сокращение членского состава военных организаций, особенно кадровых офицеров; ослабились связи и влияние военных организаций на эмигрантскую молодежь. Часть русских военных, сотрудников эмигрантской администрации и силовых структур, установили в это время связи с советской разведкой и работали против японцев.

События августа 1945 г. показали японскому командованию в Маньчжурии, что русская эмиграция не только не является их союзником, но и активно поддерживает их врагов. Патриотический подъем в среде эмиграции был настолько велик, что только небольшая часть военных эмигрантов из наиболее последовательных противников большевиков или людей, трезво оценивавших обстановку и имевших возможность бежать, покинули территорию Маньчжурии, оказавшуюся под контролем советских войск.

Второй параграф «Военные эмигранты в Северном Китае и Шанхае в условиях японской оккупации» посвящен деятельности русских военных организаций и их взаимоотношениям с новой администрацией Северного и Восточного Китая после оккупации этих регионов японскими войсками.

В результате оккупации японскими войсками в 1937 г. Северного и Восточного Китая, здесь, как и в Маньчжоу-го, были созданы условия для консолидации эмигрантских колоний на антикоммунистической основе. Наиболее интенсивно этот процесс шел в Северном Китае с центром в Тяньцзине. В 1937–1938 гг. в городах Северного Китая со значительным эмигрантским населением были организованы Антикоммунистические комитеты, в руководстве которых бывшие военные заняли первенствующее положение. Главным образом это были «семеновцы» и фашисты. Деятельность РОВС в Северном Китае в это время окончательно прекратилась. Единственным центром в Китае, где сохранялись подразделения РОВС и КИАФ, остался Шанхай. Единой, объединяющей всех военных структурой в Северном Китае, формально подчинявшейся харбинскому центру стал ДВСВ, контролировавший также деятельность всех молодежных объединений и русских охранных отрядов. По примеру Маньчжоу-го были сформированы волонтерско-ополченческие подразделения, в которые включались все взрослые мужчины, и военно-учебные структуры.

В Шанхае, где большая часть русских эмигрантов проживала на территориях иностранных концессий, полный контроль над эмигрантской колонией был достигнут японцами только после начала Великой Восточноазиатской войны. В это время в руководстве эмигрантской колонией главную роль стали играть прояпонские круги, но в отличие от других регионов в значительно меньшей степени представленные «семеновцами» и фашистами, чьи позиции в Шанхае всегда были незначительными.

Начавшаяся советско-германская война, также как в Маньчжоу-го, привела к расколу военной эмиграции на «пораженцев» и «оборонцев». Позиции «пораженцев», занимавших руководящее положение в эмигрантских колониях Северного и Восточного Китая, а также в военных организациях, в начальный период войны были более сильными. В Шанхае «пораженцы», авангардом которых являлся возрожденный Обще-Воинский Союз, возглавляемый прогермански настроенными офицерами, предприняли очередную попытку объединения военной эмиграции и установления контроля над молодежными организациями. Попытка оказалась не очень успешной, объединение было неполным и формализованным, а «пораженчество» старшего поколения вызвало сильное недоволь-

ство в среде эмигрантской молодежи. В связи с переломом в войне в 1943 г. и отказом Японии от ярко выраженной антикоммунистической риторики, позиции «пораженцев» ослабли, военные организации стали терять свое ведущее положение в жизни эмигрантских колоний и превращаться в ветеранские объединения, утрачивая влияние на молодежь, что происходило на фоне стремительного роста патриотизма в эмигрантской среде, достигнувшего своего пика в 1945 г.

В *третьем параграфе «Исчезновение русской военной эмиграции в Китае»* представлены особенности исчезновения русской военной эмиграции в разных регионах Китая на протяжении второй половины 1940-х гг.

Важнейшими факторами оказавшими влияние на деградацию и исчезновение русской военной эмиграции в Китае, являлись естественное старение и сокращение численности и профессиональной значимости военно-эмигрантского сообщества, формальное лидерство военных организаций в жизни эмиграции при ведущем значении японских военно-административных структур, идейный раскол в годы войны. Военное поражение Японии, установление советского контроля над Маньчжурией, где проживала большая часть эмигрантов, рост просоветских настроений в эмигрантской среде мало способствовали продолжению деятельности военных организаций.

В Маньчжурии, где все военные организации прекратили свое существование в августе 1945 г., бывшие военнослужащие Белой армии и военная молодежь стали одним из главных объектов репрессий со стороны советских спецслужб. Из более чем 10 тыс. арестованных и вывезенных на территорию СССР эмигрантов более половины составляли те, кто имел какое-либо отношение к военной службе и членство в военных организациях и их дочерних структурах.

В Северном и Восточном Китае после 1945 г. военные организации эмиграции сохранились только в Шанхае, остававшемся до конца 1940-х гг. крупнейшим эмигрантским центром в Китае. Однако численность членов военных организаций существенно сократилась и свою деятельность они стремились лишней раз не афишировать. Советизация эмигрантских колоний Северного и Восточного Китая привела к началу массовой репатриации в СССР русских, среди которых было немало и бывших военных. В то же время во-

енная эмиграция осталась тем ядром, вокруг которого сплачивались не желавшие возвращаться на родину группы эмигрантов. Бывшие военные, активисты эмигрантских организаций заняли исключительное положение в эмигрантских органах самоуправления в Шанхае. Именно их заслугой стала организация выезда большой группы эмигрантов на Филиппины в условиях перехода власти в Китае в руки коммунистов. Эвакуация эмигрантской группы из более чем 5 тыс. человек, в структуре которой продолжали функционировать военные организации, на о-в Тубабао в 1949 г. поставил точку в истории русской военной эмиграции в Китае.

В заключении подводятся итоги исследования.

Оказавшись волей судеб в Китае, тысячи русских военнослужащих составили здесь уникальное сообщество – военную эмиграцию, которое, несмотря на свою внутреннюю неоднородность и противоречивость, а также территориальную рассредоточенность обладало набором общих характеристик, организационной структурой и способностью к самосохранению и самоорганизации.

Несмотря на наличие внутренних и внешних негативных факторов, для военной эмиграции, особенно ее активной части, было характерным стремление к консолидации, наиболее интенсивно развивавшейся в нескольких крупных эмигрантских центрах (Харбин, Шанхай, Мукден, Тяньцзин). Процесс консолидации осуществлялся как на узко-, так и общекорпоративном уровне. Узкокорпоративный уровень предполагал объединение военных эмигрантов на основе принадлежности к различным «корпорациям», формировавшимся на базе принадлежности к той или иной группе в военном сообществе, что было особенно присуще офицерской среде. Задачами таких объединений являлись взаимопомощь, поддержание профессиональной квалификации, сохранение корпоративной идентичности. Именно военные «корпоративные» объединения стали важнейшим фактором сохранения, поддержания и трансляции молодому поколению традиций и духа Российских армии и флота. Общекорпоративное объединение, заметно активизировавшееся в середине 1920-х гг., имело прежде всего идейную основу и осуществлялось с целью продолжения борьбы против большевистского режима в России. Своей максимальной интенсивности процесс консолидации военной эмиграции в Китае на антисоветской основе под руководством «никولاевцев» достиг на

рубеже 1920–1930-х гг., а потом пошел на спад, что усилило регионализацию военного сообщества. С началом японской агрессии в Китае отдельные регионы страны оказались в значительной степени изолированными друг от друга, а стремление японцев подчинить себе все эмигрантские структуры окончательно поставило крест на попытках объединения военных эмигрантов под руководством филиала одной из европейских военно-политических организаций. С середины 1930-х гг. объединение бывших русских военных возглавили японские власти, выдвинув на первый план своих «союзников» – фашистов, «семеновцев» и часть отколовшихся от общего движения легитимистов. В это время военные заняли исключительное положение в руководящих структурах эмигрантских колоний. Однако полупринудительная консолидация под японским руководством не отвечала потребностям значительной части бывших военных, что делало объединение формальным и способствовало деградации военного сообщества.

Участие в политике, как важнейшее условие общекорпоративной консолидации, оказывало непосредственное влияние на процесс социальной адаптации военных эмигрантов. В 1920-е гг. политическая активность эмигранта входила в противоречие с основной направленностью процесса социальной адаптации, характерного для русского эмигрантского сообщества, предполагавшего отказ от политической активности и продолжения борьбы с большевистским режимом, ориентируя индивида на включение в профессионально-производственные сферы регионов проживания, приобретение устойчивого правового статуса. Ставка на приспособление к новым условиям жизни в противовес продолжению антибольшевистской борьбы, что являлось смысло- и структурообразующим ядром Белого движения, привело большую часть бывших военных к отказу от дальнейшего участия в антисоветском движении. Наоборот, т. н. непримиримые намеренно исключали себя из процесса адаптации. В то же время неудачи в приспособлении к новым условиям жизни приводили не только к репатриации, реэмиграции или деструктивной ориентации, но и к возвращению к политической деятельности. Утверждение «нового порядка» в период японской оккупации территорий Китая привело к политизации всех сфер жизни эмиграции и внесло существенные изменения в процесс социальной адаптации, сделав его обязательным условием по-

литическую активность индивида, что не могло, конечно, привести к возрождению «антисоветского духа» военной эмиграции и породило его проявление лишь во внешних формах.

Военные эмигранты на протяжении практически всего периода существования русской эмиграции в Китае являлись основной силой антибольшевистского движения. Своего пика антибольшевистская активность военной эмиграции достигла в конце 1920-х – начале 1930-х гг. на фоне усилившейся консолидации военных организаций, а также обострения международных отношений и нарастания конфронтации между Китаем и СССР. Между тем, результаты антибольшевистской борьбы военной эмиграции, не достаточно консолидированной, не имевшей существенной финансовой основы и постоянной и действенной поддержки извне, а также внутри России, были весьма скромными. Советская разведка, укоренившись в эмигрантской, в том числе и военной среде, действовала более эффективно. Японцы, добивавшиеся доминирования на Дальнем Востоке, стремились использовать русскую военную эмиграцию для решения собственных национальных задач, тем самым стимулируя дальнейшую военно-политическую деградацию военной эмиграции. Утрата военной эмиграцией самостоятельной роли в борьбе с Советским Союзом и нередко вынужденное сотрудничество с японскими спецслужбами ослабили ее антисоветский потенциал и способствовали росту патриотических настроений, особенно в годы советско-германской войны. Японские спецслужбы, не доверявшие бывшим военным Белой армии, сделали ставку на возвращение молодого поколения русских военных, воспитывавшихся в духе верности принципам «ван дао» и идее «общего дома» народов Маньчжоу-го. Однако больших успехов в этом не достигли. Русская военная молодежь оказалась не менее патриотична, нежели старшее поколение военных эмигрантов.

Военная эмиграция больше, чем любой другой слой русского эмигрантского сообщества в Китае, оказалась вовлечена во внутривнутриполитическую жизнь страны. Определенную роль русские военные сыграли в противостоянии распространению леворадикального движения в Китае. Однако сотрудничество русских военных с «милитаристами» и «империалистами» (особенно японскими), препятствовало интеграции русских в структуры китайского общества (не

принимая во внимание футуристический проект Маньчжоу-го) и более того, превращало их во враждебный элемент.

Важным направлением в деятельности военной эмиграции являлась работа с молодежью, которая рассматривалась в качестве преемника традиций и духа Российских армии и флота и продолжателя борьбы за освобождение России. Военные организации курировали отдельные молодежные объединения и развивали военное образование. Благодаря влиянию военных часть молодежи оказалась включена в антисоветскую работу, получила опыт политической деятельности и патриотическое воспитание в духе монархизма и антибольшевизма. После окончания Второй мировой войны многие молодые люди предпочли возвращению в Советский Союз реэмиграцию в другие страны мира, где некоторые из них продолжили борьбу с коммунизмом. В то же время отношения между молодежными организациями, нередко возглавляемыми представителями молодого офицерства, и руководством военных организаций, в котором в массе своей были представлены старшие офицеры, были далеко не безоблачными. Молодежные активистские организации, тяготясь вмешательством в свою деятельность старшего поколения стремились найти свой путь в борьбе за освобождение России.

Помимо исключительной роли в политической жизни русской эмиграции в Китае военные эмигранты занимали важное место в хозяйственной и культурной сферах эмигрантских колоний. Труд военных эмигрантов в немалой степени обеспечивал развитие экономики Северной Маньчжурии, особенно ее лесного и горного хозяйств. Бывшие военные были заняты в сфере различных производств, торговле и сельском хозяйстве. Большое значение военные (главным образом офицеры) имели в развитии системы русского школьного и специального образования во всех крупных центрах расселения эмигрантов. Также без военных эмигрантов невозможно представить себе развитие культуры Русского Китая в таких сферах как литература, архитектура, журналистика, издательское дело.

Исследуя военную эмиграцию как специфическое сообщество, мы все время фокусировали свое внимание на том, что это сообщество состояло из отдельных живых людей, каждый из которых имел свою «личную историю», набор индивидуальных психологи-

ческих, нравственных, образовательно-профессиональных характеристик, обладал сознанием и волей. Будучи представителями одного сообщества, связанными общим прошлым – участием в антибольшевистской борьбе, и настоящим – статусом эмигранта и чужака на территории Китая, вынужденного бороться за свое существование, они, тем не менее, по разному реагировали на получаемые сообществом внутренние и внешние вызовы, осознавали свою роль и задачи в рамках сообщества и реализовали свой выбор. Субъективность восприятия внешних стимулов и индивидуальное целеполагание сформировали широкий спектр деятельностных стратегий военных эмигрантов, сгруппированных нами в набор определенных типов военных эмигрантов. Как показало изучение многочисленных жизненных историй военных эмигрантов, лишь незначительная их часть, в нашей типологии активные антибольшевики и «люди войны», целенаправленно участвовали в продолжении борьбы против Советской России. Именно в этой среде корпоративная идентичность, выражавшаяся прежде всего в причислении себя к «белым воинам» (в случае молодежи, их преемникам), авангарду антибольшевистского движения, вобравшему в себя все самое лучшее от старой Российской армии, и возвышавшемуся над эмигрантским «мещанством» и «политиканами» с их продажностью и внутренними склоками, была представлена наиболее отчетливо. Для представителей этих типов была характерна слабость семейных связей, дезадаптационные и девиантные поведенческие установки. Будучи объектом особого внимания со стороны советских и других спецслужб, и находясь на острие военно-политической борьбы, активные антибольшевики и «люди войны» понесли большой урон и к началу 1940-х гг. в массе своей исчезли. Основная часть военной эмиграции – «пассивные антибольшевики», отказавшись осознанно или вынужденно от открытой борьбы против Советской России, в той или иной степени участвовали в работе военных организаций, сохраняли старые «корпоративные» связи, используя их ресурс в процессе социальной адаптации, а также идентификационную принадлежность к определенной военной корпорации. Трагедией большей части этих людей стало утверждение японской гегемонии в Китае и стремление японцев использовать русскую эмиграцию в своем противостоянии с СССР. Принудительная политизация эмигрантского сообщества под руко-

водством прояпонских кругов способствовала распространению политической мимикрии в среде военных эмигрантов, т. е. лишь внешнему соответствию предлагаемой поведенческой модели, что усугубляло внутри-личностный конфликт и стимулировало рост «перерожденческих» тенденций. Такой процесс особенно усилился в годы советско-германской войны. Представители двух других типов военных эмигрантов – «перерожденцы» и «шкурники», наименее значительные по численности, чаще всего утрачивали свою прежнюю идентичность и нередко выступали деструктивным элементом в жизни военно-эмигрантского сообщества.

В годы Второй мировой войны существенно поредевшая и профессионально деградировавшая русская военная эмиграция в Китае была окончательно дезориентирована действиями японских «кураторов», идейно расколота и в значительной части деморализована, что вкупе с неблагоприятными политическими обстоятельствами в Китае, сложившимися после окончания войны, способствовало ее исчезновению. Вместе с тем, военные оставались главным оплотом антисоветски настроенной части эмиграции, занимая важное место в ее руководстве, и в массе своей предпочли репатриации реэмиграцию.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. *Смирнов, С.В.* «Прошедшие все ступени»: участие российских офицеров в государственных структурах Маньчжоу-Го / С.В. Смирнов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 108-126 (1,0 п.л.).
2. *Смирнов, С.В.* Русское военное образование в эмиграции в Китае (1920-е – 1945 гг.) / С.В. Смирнов // Вестник Уральского отделения РАН. – 2013. – № 4. – С. 91-101 (1,3 п.л.).
3. *Смирнов, С.В.* «Русская Атлантида»: воспоминания русских репатриантов из Китая и проблема конструирования диаспорической идентичности / С.В. Смирнов // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 3. – С. 478-486 (0,6 п.л.).

4. *Смирнов, С.В.* «Один за всех и все за одного»: Союз русских «мушкетеров» в Северо-Восточном Китае / С.В. Смирнов // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 1. – С. 94-105 (1,0 п.л.).
5. *Смирнов, С.В.* Начало формирования подразделений Русского Обще-Воинского Союза в Китае / С.В. Смирнов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 136. – № 1. – С. 165-177 (0,8 п.л.).
6. *Смирнов, С.В.* Выбор августа 1945-го: Русские эмигранты в Советско-японской войне / С.В. Смирнов // Родина. – 2015. – № 8. – С. 118-119 (0,3 п.л.).
7. *Смирнов, С.В., Буюков, А.М.* Русские эмигранты в боях на Халхин-Голе / С.В. Смирнов, А.М. Буюков // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 8. – С. 51-55 (0,6/0,3 п.л.).
8. *Смирнов, С.В.* Август 1945 г. в Северной Маньчжурии: вооруженная борьба русских эмигрантов против японцев / С.В. Смирнов // Россия и АТР. – 2015. – № 3. – С. 82-90 (0,6 п.л.).
9. *Смирнов, С.В.* Подъем и упадок Дальневосточного отдела Русского Обще-Воинского Союза (1930-е гг.) / С.В. Смирнов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 145. – № 4. – С. 178-191 (1,0 п.л.).
10. *Smirnov, S.* The Russian Officer Corps of the Manchukuo Army / S. Smirnov // The Journal of Slavic Military Studies. – Taylor & Francis, 2015. – Vol. 28. – Issues 3. – P. 556-566 (0,7 п.л.) (Scopus).
11. *Смирнов, С.В.* Русские организации скаутов и разведчиков / С.В. Смирнов // Проблемы востоковедения. – 2016. – № 2. – С. 81-85 (0,6 п.л.).
12. *Смирнов, С.В.* Генерал М. К. Дитерихс во главе Дальневосточного отдела РОВС / С.В. Смирнов // Новый исторический вестник. – 2016. – № 2. – С. 162-179 (1,0 п.л.) (Scopus).
13. *Смирнов, С.В.* Корпус Императорской Армии и Флота в борьбе за лидерство в среде российской военной эмиграции в Китае (1920-е – начало 40-х гг.) / С.В. Смирнов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 3. – С. 250-265 (1,0 п.л.).
14. *Смирнов, С.В.* Орден крестоносцев в Маньчжурии (1924 – начало 1930-х гг.) / С.В. Смирнов // Россия и АТР. – 2016. – № 4. – С. 145-154 (0,7 п.л.).

15. *Смирнов, С.В.* Объединения российский военных инвалидов в Китае (1920 – 1940 гг.) / С.В. Смирнов // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 1. – С. 84-89 (0,6 п.л.).
16. *Смирнов, С.В.* Есаул И. А. Пешков: участие забайкальских казаков-эмигрантов в антибольшевистском движении (1920-е – начало 40-х гг.) / С.В. Смирнов // Казачество. – 2017. – № 29. – С. 17-27 (0,5 п.л.).
17. *Смирнов, С.В.* Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.) / С.В. Смирнов // Клио. – 2018. – № 4. – С. 127-134 (0,8 п.л.).

Монографии:

18. *Смирнов, С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации) / С.В. Смирнов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – 230 с., ил. (13,6 п.л.).
19. *Смирнов, С.В.* Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945 гг. / С.В. Смирнов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 156 с., ил. (9,07 п.л.).
20. *Смирнов, С.В., Бужков, А.М.* Отряд Асано. Русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945) / С.В. Смирнов, А.М. Бужков. – М.: Алгоритм, 2015. – 320 с., ил. (10,0 п.л.).

Другие публикации:

21. *Смирнов, С.В.* Русские эмигранты в китайской армии (1920 – 1928 гг.) / С.В. Смирнов // Белая армия. Белое дело. Истор. науч.-попул. альманах. – Екатеринбург, 2003. – № 13. – С. 86-98 (1,6 п.л.).
22. *Смирнов, С.В.* Русские эмигрантские военизированные и армейские подразделения в Маньчжоу-го (1930-е – 1945 г.) / С.В. Смирнов // Запад, Восток и Россия: проблемы войны и мира. Вопросы всеобщей истории. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 6. – С. 76-91 (1,0 п.л.).
23. *Смирнов, С.В.* Русские офицеры в военизированных и армейских подразделениях Маньчжоу-го (1932 – 1945 гг.) / С.В. Смирнов // Белая армия. Белое дело. Истор. науч.-попул. альманах. – Екатеринбург, 2006. – № 15. – С. 95-102 (1,2 п.л.).
24. *Смирнов, С.В.* Японская политика в Маньчжурии и русские эмигрантские организации (1932-1945) / С.В. Смирнов // Уральское

востоковедение. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 2. – С. 59-64 (0,7 п.л.).

25. *Смирнов, С.В.* «Мы бежим, отбитые от стаи...». Эмигрантский трагический романтизм в творчестве А. И. Несмелова / С.В. Смирнов // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв.* № 5. Серия Интеллектуальная история. Вып. 3. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 360-372 (0,7 п.л.).

26. *Смирнов, С.В.* Шанхай-37 глазами русских эмигрантов / С.В. Смирнов // *Восточная коллекция.* – 2013. – № 3. – С. 125-135 (0,6 п.л.).

27. *Смирнов, С.В.* Заложники чести: русские офицеры Белых армий в Маньчжоу-го / С.В. Смирнов // *Российская диаспора в странах Востока: история и современность: сб. ст.* Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. – С. 40-44 (0,2 п.л.).

28. *Смирнов, С.В.* Повседневная жизнь русских воинских отрядов в Маньчжоу-го / С.В. Смирнов // *Нансеновские чтения 2012.* – СПб.: РОО ИКЦ, 2014. – С. 250-260 (0,6 п.л.).

29. *Смирнов, С.В.* Русские солдаты Квантунской армии: миф о «русских самураях» / С.В. Смирнов // *Quaestio Rossica.* – 2014. – № 1. – С. 296-301 (0,3 п.л.).

30. *Смирнов, С.В.* Концепт «национальная революция» в идеях антибольшевистских активистов русской эмиграции в Китае / С.В. Смирнов // *1917 год в истории и судьбе российского зарубежья.* – М.: Вифсанда: Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына, 2017. – С. 145-154 (0,5 п.л.).

31. *Смирнов, С.В.* Российские офицеры и эмигрантское молодежное движение в Китае / С.В. Смирнов // *Нансеновские чтения, 2016.* – СПб.: Северная звезда, 2018. – С. 354-371 (1,1 п.л.).

32. *Смирнов, С.В.* Японские школы русского языка в Харбине (1920–1945) / С.В. Смирнов // *Уральское востоковедение.* – 2018. – № 7. – С. 64-69 (0,4 п.л.).